

Лун И, неизвестно когда уже встав, подошла с бамбуковой флейтой в руках и протянула её Линху Су:

— Держи.

Линху Су взяла флейту, взглянула на неё, и её лицо помрачнело. Яньван заметил это и с любопытством спросил:

— Что такое?

Линху Су не собиралась скрывать от Яньвана и честно ответила:

— В тот день на горе Ваньфэн Хань Сян держал в руках флейту сяо и говорил, что это Лун И подарила ему.

Та флейта сяо и эта, хотя и были сделаны из немного разных видов бамбука, но расположение и размер отверстий, включая мерцающее голубоватое сияние на поверхности, были совершенно одинаковыми.

Яньван не придал этому значения:

— Ну и что? Неужели ревнуешь?

Линху Су не стала отрицать:

— Но Лун И сказала, что не знает Хань Сяна.

— А, — это всё ещё не привлекло внимания Яньвана. — В этом нет ничего особенного.

— Однако... — Яньван, немного подумав, снова сказал:

— Возможно, Хань Сян просто ошибся.

Линху Су:

— Вряд ли. В тот момент Лун И услышала древнюю мелодию и потащила меня искать, откуда доносится звук. Неожиданно мы встретили Хань Сяна, и он как раз играл на той флейте сяо мелодию под названием «Восстающий ветер».

Услышав слова «Восстающий ветер», Яньван не проявил никакой реакции, но если бы Баба Мэн была здесь, она бы знала: эта мелодия была той, что Лун У часто пел Лун И, когда та тайком спускалась с горы, ещё когда Баба Мэн жила у реки Жошуй.

— Он сказал, когда это было? — спросил Яньван.

— Восемьсот лет назад.

Только теперь на лице Яньвана появилось лёгкое удивление, и он спросил:

— Лун И, ты приходила в мир смертных восемьсот лет назад?

Лун И не любила, когда другие затрагивали эту тему, и, бросив небрежное «Нет», развернулась и ушла.

Покойный император и Сюэхуа стояли вдалеке и смотрели в их сторону. Яньван похлопал Линху Су по плечу:

— Не обращай внимания. Все эти годы Лун И время от времени появляется в мире смертных, но ищет она только тебя одну.

Эти слова Яньвана были сказаны для утешения, потому что на самом деле он не был уверен, действительно ли Линху Су — та самая девятихвостая лиса, просто из-за настойчивости Лун И он предпочёл отнестись к этому с долей веры и сомнений.

Яньван и Линху Су подошли. Покойный император держал в руках книгу, уже открытую на определённой странице, и протянул её Яньвану. Поскольку дело касалось его собственной семьи, его речь была не такой твёрдой, как раньше:

— В исторических записях упоминается только о внезапной смерти принца, но не сказано, где он был похоронен.

Яньван спросил:

— Это нормально?

Линху Су сказала:

— Ненормально. После смерти принца его должны похоронить в императорской усыпальнице. Хотя это и традиция предков, но в исторических записях обязательно должна быть об этом хоть одна строчка.

Яньван всё ещё смотрел на книгу, его брови были мрачно сдвинуты.

Линху Су очень недоумевала по этому поводу:

— Почему это касается принца? Разве в то время не хватало маленьких детей, до такой степени, что они хватались за любую возможность, не брезгуя даже принцем? И если это действительно как-то связано с Цунчжи, то ведь принц был его родным сыном, почему же он поднял руку на собственного сына?

Яньван не собирался продолжать строить догадки на месте, он сказал:

— Пойдём, навестим Цунчжи.

Цунчжи и его друзья-бессмертные жили на седьмом уровне преисподней, их вина заключалась в пособничестве тирану и оскорблении божеств.

Спускаясь вниз, Линху Су наполнила нос зловоние, а в уши ворвались раздирающие душу крики, в сочетании с мрачной и зловещей атмосферой — всё это заставляло не желать оставаться здесь ни на мгновение дольше.

Яньван, возможно, боялся напугать Линху Су, и доброжелательно объяснил:

— Когда ад только построили, он был чистым и светлым, но всегда находились призраки, которые, попав сюда, говорили, что ад не такой, как они себе представляли. Поэтому мы просто пошли им навстречу, и в итоге он стал таким, каким ты видишь его сегодня.

[...]

Они опустились перед квадратной железной клеткой, внутри которой сидело несколько бессмертных. Их одежда была в лохмотьях, лица измождённые, но они всё равно старались сидеть прямо в медитации. Среди них Линху Су увидела давно не виданное лицо — даоса Пиншаня.

На этот раз Пиншань проявил сознательность: едва увидев Линху Су, он сразу же окликнул:

— Хозяин.

Линху Су посмотрела на него, покрытого пылью и грязью, без и намёка на ту бессмертную изящность, что была при первой встрече, и в её сердце неожиданно возникло сострадание, однако она не собиралась проявлять великодушие и спасти его. Она провела в преисподней уже достаточно долго, чтобы немного понять стиль действий Яньвана. Интуиция подсказывала ей, что у тех, кого Яньван отправляет в ад, наверняка есть веские причины заслужить такую участь.

Среди этой группы бессмертных, превратившихся в призраков, лишь один с самого начала до конца не посмотрел на них. Его волосы были небрежно собраны, словно после того, как по нему прошли, он всё ещё пытался сохранить последние остатки достоинства.

Это был —

Бессмертный Цунчжи.

Цунчжи привели в покои Лун И. На его лице была написана непреклонность «лучше смерть, чем позор»:

— Проиграть Лазурному Дракону — моя неспособность, наказывайте как положено, не нужно подвергать меня отдельному унижению.

Хотя при жизни он тоже был императором, Цунчжи, в отличие от покойного императора, не называл себя «мы».

Яньван леденяще усмехнулся:

— Хочу у тебя кое о ком спросить.

— Не знаю.

Яньван проигнорировал его категоричность и сразу перешёл к делу:

— Знаешь Фэн Яня?

Без малейшего колебания Цунчжи ответил:

— Нет.

— Хорошо, — Яньван взял Книгу жизни и смерти и неспешно подошёл к Цунчжи. — После того как стал бессмертным, искал ли ты своего сына?

— У меня много сыновей, не знаю, о каком ты говоришь.

— О том, что внезапно умер, — уголок рта Яньвана скривился в ухмылке, и он произнёс предельно чётко, слово за словом:

— О том, чья душа не попала в преисподнюю.

Линху Су, стоявшая рядом, могла разглядеть, как тело Цунчжи почти незаметно отпрянуло назад, но на его лице не дрогнул и мускул:

— Произошло это более четырёхсот лет назад, к чему снова вспоминать?

— Говорят, даже свирепый тигр не съест своего детёныша, а ты ради чего это сделал? — голос Яньвана был мрачным, с презрительной усмешкой. — Дай угадаю, ради бессмертия? Или чтобы стать божеством?

Взгляд Линху Су всё время был прикован к Цунчжи. Неожиданно, услышав этот вопрос, Цунчжи разжал сжатый кулак, словно сбросив с себя какое-то тяжёлое бремя.

Линху Су почувствовала, что они что-то упустили, отошла в сторону и начала перелистывать лежащие на столе записи, в которых описывались жизни владельцев более четырёх тысяч грудных костей.

Допрос со стороны Яньвана продолжался:

— Я тоже не ожидал, что это окажешься ты, ведь я всегда подозревал Дворец Дракона.

Яньван никогда не скрывал своего отвращения к Небесному дворцу и Дворцу Дракона, точно так же, как и они сами относились ко всем, кроме себя.

— Тогда тебе стоит доверять своей интуиции, к чему мучить меня? Я уже низвергнут в ад, разве этого недостаточно?

Яньван спокойно сказал:

— Сейчас ты только на седьмом уровне. Если эти жизни погублены тобой, тебе предстоит отправиться на восемнадцатый.

— Цунчжи, ты пришёл!

— Давно не виделись, Цунчжи!

Бессмертные один за другим возвращались, увидев Цунчжи, они здоровались с ним, как со знакомым, встреченным на улице.

Только в этот момент на лице Цунчжи появилось лёгкое недоумение:

— Вы... вы тоже попали в преисподнюю?

Он думал, что эти бессмертные, как и он, были повержены Лазурным Драконом в одиночку.

Хань Сян тоже пришёл вместе с ними, но, очевидно, он отличался от этой шумной компании бессмертных. Он лишь шёл позади них, держа в руке бамбуковую флейту сяо, и молча наблюдал, подобно старой выдержанной рисовой настойке, источающей сверху донизу накопленный аромат чернил и книг.

И только такой спокойный человек мог заниматься настоящим делом. Он подошёл и протянул Яньвану тетрадь:

— Это составленные записи о душах владельцев грудных костей. Среди них почти три тысячи душ уже не в этом мире, количество их реинкарнаций достигло девяти раз. Остальные, оставшиеся в мире смертных, либо не достигли пятилетнего возраста, либо количество их перерождений ещё не достигло девяти раз. Я разместил этих детей в храмах различных бессмертных, под присмотром божеств земли, с ними ничего не случится.

Яньван взял тетрадь, но глаза его смотрели не на неё, а на изящное лицо Хань Сяна, и спросил:

— Это ведь не Небесный Император послал тебя?

— Нет, — Хань Сян при жизни получил хорошее воспитание и никогда не лгал. — Я шёл по следам старого знакомого, но тот уже забыл меня в тумане вод.

Яньван усмехнулся, ничего не сказав в ответ, но спросил:

— Говорят, восемьсот лет назад ты видел Лун И в Восточном море?

Хань Сян мягко кивнул, боясь, что более резкое движение смешает в его памяти реальность тех прошлых событий.

— Не заикливайся на этом, — Яньван умел утешать. — Ты наверняка ошибся. Восемьсот лет назад Лун И ещё не родилась, тот, кого ты видел, определённо не мог быть ею.

В глазах Хань Сяна на мгновение промелькнуло замешательство, он уже собирался переспросить, но, увидев на лице Яньвана уверенную улыбку, промолчал.

Цунчжи всё время смотрел в их сторону, казалось, его очень заинтересовала тетрадь, которую Хань Сян передал Яньвану.

Яньван не стал разочаровывать его интерес, взял тетрадь и подошёл к нему, его лицо было мрачным:

— Где сейчас находятся души этих трёх тысяч людей? Лин уже поглощён тобой?

Неизвестно, от страха или от удивления, но услышав эти слова, зрачки Цунчжи внезапно расширились, брови взметнулись вверх, он уставился на Яньвана, не проронив ни слова, а губы его непрерывно дрожали.

<http://bllate.org/book/15102/1343766>